С. Н. ЗЕНКИН

Зенкин Сергей Николаевич
доктор филологических наук
главный научный сотрудник,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 125993, Москва, ГСП-3, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (499) 251-64-16
профессор,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Россия, 190069, Санкт-Петербург, набережная канала Грибоедова, д. 123
*Тел.: +7 (812) 644-59-11 *61704*
E-mail: sergezenkine@hotmail.com

Анахронизм и исторический дискурс[1]

Аннотация. Гетерохроничность, присущая любому событию и художественному тексту, в историческом романе подчеркивается с помощью специальных фигур анахронизма. В статье проводится различение трех таких фигур — анахронизма метафорического (нравы и события прошлого уподобляются настоящему, иногда как поучительный пример), метонимического (события прошлого предвосхищают другие, позднейшие события, ставшие их следствием) и металептического (люди прошлого наделяются мыслями наших современников, а современные люди страстно стремятся к прошлой эпохе).

Ключевые слова: история, исторический роман, повествование, анахронизм

Историческая наука — наука о случайном. Историк уважает случайность, признает незакономерный характер многого, что происходит в человеческой жизни. Политическое событие или художественное произведение являются историческим фактом постольку, поскольку они не выводимы с необходимостью из какого-либо однозначного закона: они могли иметь место или нет, потому что были сверхдетерминированы сочетанием ряда причин, которые могли сойтись или не сойтись. Эти независимые причины, которые все вместе обусловливают исторический факт, оставляют в нем свои следы — разнородные и часто разновременные. Исторический факт возникает из каузальных слоев, откладывающихся в течение времени, и проницательность историка заключается в умении их различать.

[1] Французская версия статьи: *Zenkine Serge*. Anachronisme et discours historique // Anachronismes créateurs / Sous la dir. d' Alain Montandon. Clermont-Ferrand: Presses universitaires Blaise-Pascal (в печати).

© С. Н. ЗЕНКИН
DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-3-26-35

В науке о литературе осознание такой гетерохроничности художественного текста требует избавиться от эссенциализма, при котором произведение объясняют как реализацию предзаданной структуры. С этой целью русские формалисты выдвинули понятие динамической формы, образующейся из столкновения независимых и разных по происхождению сил. Юрий Тынянов предлагал разграничивать эволюцию литературных систем и генезис отдельных произведений, имея в виду, что генезис носит несистематический, случайный характер [Тынянов 1977: 271 слл.]. Следы индивидуального генезиса сохраняются в литературном произведении в виде анахронических пережитков, остатков былой системы, которые либо вообще не включаются во вновь сложившуюся систему, либо переосмысляются в ней, получают новые функции. Старинное здание содержит в себе следы перестроек, которым оно подвергалось, или даже остатки других, прежних зданий, использованные при его строительстве; так же и интертекстуальность всегда носит исторический характер, текст складывается или сплетается из слов и выражений, возникших в разные времена и отсылающих к разным культурным системам. Современная литература творчески использует такие «пережитки», подчеркивая их странность; благодаря своей ощутимости они могут остранять и весь дискурс произведения. Так (пример Тынянова), в русской поэзии XIX в. слова-архаизмы отвлекались от изначального контекста и читались не как элементы связной языковой системы (старинного языка или классицистического высокого штиля), а, например, как иронические эффекты стиля [Там же: 273]. Они интегрировались в текст в качестве анахронизмов.

Михаил Ямпольский сопоставил такую «*историческую*, то есть *анахронистическую*» теорию с биологическим пониманием эволюции, при которой эволюционирующие организмы сохраняют в себе атавистические черты и органы:

> Но как только история литературы перестает быть прямой трансляцией платоновских идей, то есть сконструированной эстетической и концептуальной псевдоисторией, литературные феномены становятся похожими на биологические. А именно: в них анахронистически сохраняются следы их генезиса. История буквально существует в живом актуальном организме как атавистический орган, как сохранившийся след филогенеза. Именно поэтому эволюционная схема естественной истории (биологической или геологической) приобретает особую актуальность. Так сохраняется прототекст внутри текста-пародии [Ямпольский 2013: 57].

В такой широко понимаемой эволюционистской перспективе анахронизм оказывается неотъемлемо присущим любому произведению культуры. Такое воззрение соответствует не только формалистической теории динамической формы, но и общему повороту исторической науки, которая уделяет все большее внимание разрушительным, деструктурирующим факторам исторического процесса, уподобляя себя ангелу с картины Пауля Клее, который, по знаменитому описанию Вальтера Беньямина, видит в прошлом «катастрофу, нагромождающую обломки и вечно бросающую их к его ногам» [Benjamin 1991: 343–344]. Фрагментация прошлого, превращающая его в

«обломки» и анахронические остатки, стала едва ли не общим местом в исторической мысли, идет ли речь об истории политической, социальной или литературно-художественной.

Итак, гетерохроничность истории эксплицируется, делается ощутимой в литературе благодаря фигурам анахронизма. Такие фигуры приобрели особую важность в романтическую эпоху — эпоху торжествующего историцизма, когда возник жанр исторического романа, вобравший в себя ряд технических приемов научно-исторического дискурса, а затем передавший их и другим повествовательным жанрам. Эти фигуры носят металитературный характер, с их помощью литература осознает историческую сложность языка, которым она пользуется и в котором неотъемлемое место занимает случайность. Одновременно они носят и метадискурсивный характер, так как служат для деконструкции дискурса исторической науки, для выявления в нем слепых точек.

Характерной чертой таких фигур является инверсия: в литературном письме «естественные» анахронизмы языка меняют направление, из нисходящих делаются восходящими (мы еще вернемся к различению этих терминов). Если в реальном процессе накопления исторических следов они представляют собой остатки минувшего в настоящем, то в литературном дискурсе они чаще всего, наоборот, предвосхищают будущее, образуют футуристические островки в фикциональном мире произведения. Этот мир становится гетерохроничным, подобно дискурсу, которым он описывается.

Ниже мы кратко рассмотрим три типа литературных фигур анахронизма, иллюстрируя их примерами, взятыми по большей части из французского романа XIX в. Они соответствуют трем составляющим языка — семантике, синтаксису и акту речи.

1. Исторический дискурс осуществляет герменевтическую ассимиляцию прошлого, уподобляя его настоящему. Люди еще с древности пытались понимать его по аналогии с настоящим (и наоборот). Рейнхарт Козеллек показал, какую важную роль в классическую эпоху историографии играл принцип historia magistra vitae, «история — учительница жизни». Согласно этому принципу, историк ищет повторения, сходные черты между прошлым и настоящим, способные служить для нас уроком. Для современной же исторической науки такие сходства суть анахронизмы, так как на самом деле в истории ничто не может повториться — разве что в искаженной или даже пародийно сниженной форме («первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса», по крылатому выражению Маркса [1986: 5]).

Упадком учительной функции истории объясняется тот факт, что сегодня анахронизмы, возникающие при ее осуществлении, кажутся нам самыми банальными из всех; именно о них мы обычно и думаем, когда неодобрительно отмечаем «анахронизмы» в каком-то произведении. Стремясь извлекать «уроки» из истории, писатель вводит в отнесенный к прошлому фикциональный мир те или иные элементы (персонажей, законы, привычки и т. д.), отсылающие к позднейшей эпохе, в которую живет он сам. Они могут носить старинные имена и названия, но с очевидностью походят на реалии другого времени. Отношение подобия, связывающее их с современностью, позволяет назвать этот первый тип анахронизмов метафорическим:

рассказ о прошлом читается — по крайней мере в некоторых его местах — как прозрачная аллегория настоящего.

Примеров такой фигуры множество. В «Романе о мумии» Теофиля Готье (1857) анахроничен персонаж главной героини: по сюжету это дочь древнеегипетского жреца, а по характеру — романтическая барышня, скучающая в обществе фараоновых офицеров и томящаяся тайной любовью к молодому еврею, представителю порабощенного народа. Другой пример: в романе «Саламбо» (1862) Гюстав Флобер прилагает огромные усилия, чтобы «археологически» воссоздать погибшую цивилизацию древнего Карфагена, но не упускает случая включить в свою картину комический эпизод, где богатые карфагеняне, готовясь оборонять свой осажденный город, отчетливо походят на французских буржуа, призванных в Национальную гвардию:

> Под влиянием страха все становились храбрыми. Богачи выстраивались с самой зари вдоль Маппал; подбирая одежду, они упражнялись в обращении с пиками, но то и дело вступали в споры, так как не имели учителей; задыхаясь от усталости, они садились отдыхать на могилы, потом снова принимались за дело. Некоторые даже соблюдали диету. Одни воображали, что нужно много есть и тогда у них прибавится сил, а потому объедались; другие, страдая от тучности, морили себя постом, чтобы похудеть [Флобер 1983: 407].

2. Исторический дискурс осуществляет нарративную координацию прошлого, соотнося между собой в рассказе разные его моменты. Любое повествование, включая историческое, более или менее явно забегает вперед; это необходимо для того, что Поль Рикёр вслед за Хейденом Уайтом назвал «сложением интриги» (англ. emplotment, фр. mise en intrigue) (см.: [Уайт 2002; Ricœur 1983–1985]). Чтобы выделить единицу такого построения, Артур Данто ввел понятие «нарративных предложений», определяющихся тем, что они «содержат ссылку по крайней мере на два разделенных во времени события, хотя *описывают* только более раннее из этих двух событий» [Данто 2002: 139]. Историк (добавим: и исторический романист) отличается от летописца именно тем, что употребляет нарративные предложения, предвосхищающие последствия событий, о которых он говорит. Данто приводит в пример фразу «В 1618 г. началась Тридцатилетняя война»: ее может написать историк, но не летописец, даже «идеальный» летописец, вполне информированный обо всем, что происходит вокруг него, — потому что он регистрирует события по ходу их совершения и еще не знает, сколько лет продлится война и какое имя ей дадут. В отличие от парадиегетических, не-совсем-повествовательных форм дискурса, таких как хроника, бортовой журнал, дневник или переписка, настоящее повествование всегда включает в себя знание о будущем. Чаще всего это знание остается имплицитным и проявляется в тексте лишь косвенно: в отборе фактов, заслуживающих изложения, в именах, названиях и характеристиках, даваемых задним числом историческим действиям и деятелям, в оценках событий, основанных на их порой весьма отдаленных результатах. Иными словами, чтобы возник анахронизм, достаточно «просто рассказывать» о том, что происходило, имея в виду то, к чему оно привело. Этот второй тип анахронизма можно назвать метонимическим, поскольку повествование,

излагая факты прошлого, отсылает также к другим фактам п р о ш л о г о (а не настоящего, как при метафорическом анахронизме), т. е. к фактам более недавним по времени, но связанным с излагаемыми фактами отношением каузальности (а не сходства).

Метонимическое предвосхищение будущего содержится в любом нарративном высказывании; в литературе же оно усиливается и подчеркивается специальными эффектами. Классический прием состоял в том, чтобы ввести в повествование, например в эпическую поэму, пророчество, предсказывающее события, которые к нашему времени уже произошли (скажем, деяния ныне царствующего монарха). Современные писатели применяют более тонкие средства. Так, Теофиль Готье в уже упомянутом «Романе о мумии» сочетает две разных и несоизмеримых темпоральности прошлого — «археологическую» и «библейскую». Перед нами разворачивается, с одной стороны, описанная со множеством деталей жизнь Древнего Египта, а с другой — рассказ об исходе еврейского народа, который к концу романа приобретает господствующее положение, вытесняя любовную интригу. Египет, изучаемый археологами, и Египет книги Исход — это два разных фикциональных мира, несовместимых, как наука и легенда. Историческую хронологию Древнего Египта нельзя надежно соотнести с хронологией Ветхого Завета, и, чтобы замаскировать разрыв между ними, Готье прибегает к хитрости: он избегает называть по имени единственного «исторического» персонажа своего романа — Фараона, именуя его только этим титулом; так сей правитель может играть свою легендарную роль — вести переговоры с Моисеем (Моше), а затем преследовать уходящих из Египта евреев, — не занимая никакого определенного места в династической истории Египта. Для нашей проблемы существенно, что эти два мира еще и по-разному соотносятся с историческим процессом как таковым. Египет показан как неподвижная, неизменная цивилизация — а вот история еврейского народа в полном смысле слова исторична. Освобождаясь из египетского плена, Моисей и его соплеменники кладут начало большому историко-религиозному нарративу, отмеченному десакрализацией древних богов и утверждением нового монотеистического божества, которое в романе представлено в виде мистического света, увиденного во сне главной героиней (ослабленная форма классического пророчества). Поскольку героиня — египтянка, а не еврейка, она не может понять смысл своего видения, и это должен сделать за нее читатель. Так в древнеегипетское повествование исподволь вводится будущая библейская история, все более отчетливо угадываемая по ходу развития сюжета. Историческое время словно начинает свое движение у нас на глазах, высвобождаясь из архаики, и такое рождение истории из неподвижной древности по самой своей природе анахронично.

3. Исторический дискурс осуществляет локутивную изоляцию прошлого, резко отделяя его от момента, когда о нем говорят. Как отмечал Мишель де Серто, такой дискурс определяется временны́м и экзистенциальным разрывом между историком и изучаемой им эпохой (который далее воспроизводится в разбиении исторического времени на отдельные «периоды» и «формации») [Certeau 1975: 9]. В том же смысле Поль Рикёр подчеркивал различие (часто недооцениваемое) между исторической наукой и памятью: эти две формы знания совпадают лишь частично, как по своему объему, так и по природе

фактов, которые ими охватываются [Рикёр 2004: 189–400]. Исторический дискурс нередко описывает факты, которые являются вполне реальными, а не вымышленными, но не образуют часть ничьей памяти, — например, «промышленную революцию» XVIII–XIX вв. Исторический роман возник в свое время именно при осознании этого разрыва между тем, кто пишет историю, и теми, кто ее творит и сохраняет о ней живую память. Стремясь четко отмежевать историческое повествование от чьих-либо воспоминаний, Вальтер Скотт озаглавил своей первый роман «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» (1814): самым своим названием этот роман отсылал к событиям, которых уже не мог помнить никто или почти никто из его современников. Другие исторические романисты, например Лев Толстой в «Войне и мире» (1869), следовали примеру Скотта, показывая события и деятелей прошлого на расстоянии как минимум одного-двух поколений.

Литература и здесь специально подчеркивает анахроничность акта речи: обозначает историческую границу между «тогда» и «сейчас» посредством значимых нарушений этой границы. Она внедряет в фикциональный мир прошлого нечто вроде фантомной памяти — идеи и интеллектуальные перспективы, невозможные для описываемой эпохи. Между фикциональным миром (миром рассказываемой истории) и нефикциональным, реальным миром рассказчика завязывается диалог. Некоторые персонажи получают особенную функцию — высказывать мысли, выходящие за их предполагаемый по сюжету историко-культурный горизонт. В отличие от метафорических анахронизмов, здесь переносу во времени подвергаются не объекты, а субъекты письма или мысли. В современной нарратологии такое пересечение границы фикционального мира персонажем или рассказчиком изучается как фигура м е т а л е п с и с а (см.: [Pier, Schaeffer 2005]), и соответствующий ей третий тип литературных анахронизмов можно назвать м е т а л е п т и ч е с к и м а н а х р о н и з м о м.

Металепсис был известен в классической драме, где некоторые персонажи-резонеры выходили из мира сюжетной интриги и комментировали ее с помощью идей и представлений, которые могли относиться к более поздним временам, чем само драматическое действие (таков, например, «гражданин грядущих поколений» маркиз Поза в преромантической драме Шиллера «Дон Карлос»). Но лишь с появлением исторического романа этот прием сделался вполне наглядным, требуя и от читателя временно прерывать «фикциональное погружение» в мир прошлого. Так обстоит дело в двух знаменитых произведениях французского романтизма: «Сен-Маре» (1826) Альфреда де Виньи и «Соборе Парижской Богоматери» (1831) Виктора Гюго. Роман Виньи заканчивается сценой беседы двух молодых писателей — Пьера Корнеля и Джона Мильтона; они обсуждают последние политические события, происшедшие во Франции (заговор Сен-Мара и казнь его вождя), и предсказывают в будущем великие перемены, т. е. революции, которые произойдут в обеих их странах. Хотя биографически их встреча во Франции в 1642 г. не является чем-то невозможным (Мильтон в это время действительно находился за границей), но интеллектуально оба эти романных персонажа явно принадлежат позднейшему времени; они выражают мысли самого романиста, который превосходит их эпоху знанием не только

конкретных фактов будущего (как в случае метонимического анахронизма), но и общих социально-политических идей, которые будут сформулированы лишь позже. В романе Гюго сходный эффект создает знаменитая глава «Это убьет то»: такими словами архидьякон Клод Фролло в XV в. предрекает великое изменение, предстоящее в будущем, — победу книгопечатания над архитектурой в качестве главного средства передачи идей в обществе. Гюго специально растолковывает эту фразу в длинной главе, где берет слово сам; но первоначально ее произносит романный персонаж, человек Средних веков, который при всем своем незаурядном уме вряд ли мог бы предвидеть будущее западной цивилизации; фактически перед нами современный (именно и с т о р и ч е с к и й), а не средневековый строй мыслей. Металептический и намеренно анахронический характер этих двух романных эпизодов обозначен еще одним специальным обстоятельством: в обоих случаях имеет место диалог «на расстоянии», преодоление тех или иных границ в мире прошлого. У Виньи разговаривают друг с другом два великих (в будущем) писателя, представители двух разных европейских литератур, французской и английской, причем оба они никак не участвуют в романной интриге, и вся их роль в романе заключается в этих исторических комментариях. У Гюго Клод Фролло произносит свои пророческие слова перед таинственным посетителем, который в дальнейшем оказывается королем Людовиком XI, явившимся к нему инкогнито. В обоих случаях речь персонажей преодолевает ту или другую социокультурную границу (географическую или иерархическую) внутри фикционального мира, подготовляя тем самым другое, металептическое нарушение экстрафикциональной границы, отделяющей историческое прошлое от настоящего романной речи.

В нарратологии различаются два типа металепсиса — восходящий и нисходящий: первый из них позволяет персонажу на какой-то момент подняться на высший уровень повествовательной конструкции, где находится рассказчик, а второй, наоборот, временно вводит в мир повествовательного вымысла одного из субъектов вне-повествовательного реального мира (чаще всего — самого рассказчика). Упомянутые выше примеры из Виньи и Гюго относятся к восходящему металепсису, однако в романах XIX в. можно встретить также и металепсис нисходящий. Один его пример содержится опять-таки в «Романе о мумии» Готье, где автор производит множество анахронизмов, искусно встраивая их в свой текст. В длинном прологе, которым открывается роман, рассказывается о раскопках в современном Египте и о находке древней мумии молодой женщины, чья жизнь и составит затем основной сюжет книги. В конце же романа мы узнаем, что устроивший раскопки английский лорд сам влюбился в эту женщину, умершую несколько тысячелетий назад; его нисходящий металепсис (совершающийся лишь в воображении, без «действительного» нисхождения в прошлое) опять-таки дублируется и подготавливается нарушением границ, происходящим внутри фикционального мира. Одна нежная страсть продолжает другую: подобно тому как героиня-египтянка при жизни питала социально запретную любовь к пленному еврею, много веков спустя молодой англичанин охвачен «ретроспективной любовью» к ней самой, вопреки разделяющей их временно́й, географической и культурной дистанции. Он служит в романе

представителем если не рассказчика, то мира, где тот живет и ведет свой рассказ, и вместе с ним сквозь время проходит не историко-философская рефлексия, как у Виньи и Гюго, а любовный аффект. Готье вообще считал «ретроспективные» эротические страсти общим свойством современных натур, в число которых он включал себя и некоторых своих друзей-писателей, похожих в этом на его эксцентричного лорда. В дневнике Гонкуров за 23 ноября 1863 г. зафиксированы его слова: «…это вкус к экзотике во времени: например, вот Флобер хотел бы обладать женщинами Карфагена, вы желали бы госпожу Парабер, а меня ничто так не возбуждает, как мумия…» [Goncourt 1989: 1033]. Итак, анахронизмы третьего типа не обязательно имеют место в повествовательных сюжетах, и они обратимы, могут быть не только восходящими, но и нисходящими; люди прошлого наделяются идеями настоящего, а люди настоящего страстно стремятся к прошлому.

Все это позволяет лучше понять общие функции литературных анахронизмов. Применяемые в качестве преднамеренных фигур, они деконструируют дискурс исторической науки, обнажая свойственную ему гетерохронию и обусловленные ею динамические эффекты: герменевтическую ассимиляцию прошлого, нарративное предвосхищение будущего (точнее, позднейшего прошлого, future in the past), локутивное разделение субъекта и объекта. Разрабатывая оппозицию между историей и памятью, они показывают, как материалом истории становится память бесчисленных людей, живших прежде: накапливаясь с течением времени, она образует по видимости сплошную, а на самом деле неоднородную, чреватую конфликтами массу «прошлого», и в этом конфликтном напряжении — источник динамики исторического дискурса. Наконец, они позволяют наполнить этот дискурс человеческим переживанием, ощутить историю как чей-то опыт, и этим «кем-то» может оказаться рассказчик или читатель, встающие вровень с персонажами былых времен. Таким образом, фигуры анахронизма выполняют не только метадискурсивную, но и эстетическую функцию: они вовлекают читателя в повествовательный вымысел и очеловечивают историю.

Литература

Данто 2002 — *Данто А. С.* Аналитическая философия истории [1965] / Пер. А. Л. Никифорова, О. В. Гавришиной. М.: Идея-Пресс, 2002.

Маркс 1986 — *Маркс К.* Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта [1852] // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 4. М.: Политиздат, 1986. С. 1–95.

Рикёр 2004 — *Рикёр П.* Память, история, забвение [2000]. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004.

Тынянов 1977 — *Тынянов Ю. Н.* О художественной эволюции [1927] // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 270–281.

Флобер 1983 — *Флобер Г.* Саламбо [1862] / Пер. Н. Минского // Флобер Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.:, Худ. лит., 1983. С. 333–585.

Уайт 2002 — *Уайт Х.* Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века [1973]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Ямпольский 2013 — *Ямпольский М. Б.* Пространственная история. Три текста об истории. СПб.: Книжные мастерские; Мастерская «Сеанс», 2013.

Benjamin 1991 — *Benjamin W*. Sur le concept d'histoire [1940] // Benjamin W. Écrits français. Paris: Gallimard, 1991. P. 339–347.

Certeau 1975 — *Certeau M.* L'Écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1975.

Goncourt 1989 — *Goncourt E. et J*. Journal. T. 1. Paris: Robert Laffont, 1989.

Pier, Schaeffer 2005 — Métalepses: Entorses au pacte de la représentation / Sous la dir. de J. Pier, J.-M. Schaeffer. Paris: École des hautes études en sciences sociales, 2005.

Ricœur 1983–1985 — *Ricœur P*. Temps et récit. T. 1–3. Paris: Seuil, 1983–1985.

Anachronism and historical discourse

Zenkin, Sergey N.
Doctor of Philology
Main Research Fellow, Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, Moscow, GSP-3, Miusskaya sq., 6
Tel.: +7 (499) 251-64-16
Professor, National Research University Higher School of Economics
Russia, 190069, St. Petersburg, Griboedov canal emb., 123
*Tel.: +7 (812) 644-59-11 *61704*
E-mail: sergezenkine@hotmail.com

Abstract. Heterochrony, essentially proper to every event or literary text, is highlighted in historical novels by special figures of anachronism. The present article draws distinctions between three such figures: metaphoric anachronism (the past is assimilated to the present, sometimes as an instructive example), metonymic anachronism (the events of the past anticipate other events taking place later as their consequences), and metaleptic anachronism (people of the past are endowed with ideas of our time, and people of the present passionately drawn to the past).

Keywords: history, historical novel, narrative, anachronism

References

Benjamin, W. (1991). Sur le concept d'histoire. In W. Benjamin. *Écrits français*, 339–347. Paris: Gallimard. (In French).

Certeau, M. (1975). *L'Écriture de l'histoire*. Paris: Gallimard. (In French).

Danto, A. S. (2002). *Analiticheskaia filosofiia istorii* [Trans. from Danto, A. S. (1965). *Analytical philosophy of history*. London: Cambridge Univ. Press]. Moscow: Ideia-Press. (In Russian).

Flober, G. (1983). Salambo [Trans. from Flaubert, G. (1862). *Salammbô*. Paris: G. Charpentier]. In G. Flober [= G. Flaubert]. *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vol. 1), 333–585. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).

Goncourt, E., Goncourt, J. (1989). *Journal* (Vol. 1). Paris: Robert Laffont. (In French).

Iampol'skii, M. B. (2013). *Prostranstvennaia istoriia. Tri teksta ob istorii* [The space of history, Three texts about history]. St. Petersburg: Knizhnye masterskie; Masterskaia "Seans". (In Russian).

Marks, K. (1986). Vosemnadtsatoe briumera Lui Bonaparta [Trans. from Marx, K. (1852). Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. 2. Auflage. Hamburg: Otto Meissner, 1869].

In K. Marks, F. Engel's [= K. Marx, F. Engels]. *Izbrannye sochineniia* [Selected works] (Vol. 4), 1–95. Moscow: Politizdat. (In Russian).

Pier, J., Schaeffer, J.-M. (Eds.) (2005). *Métalepses: Entorses au pacte de la représentation*. Paris: École des hautes études en sciences sociales. (In French).

Ricœur, P. (1983–1985). *Temps et récit* (Vols. 1–3). Paris: Seuil. (In French).

Riker, P. (2004). *Pamiat', istoriia, zabvenie* [Trans. from Ricœur, P. (2000). *La mémoire, l'histoire, l'oubli*. Paris: Seuil]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury. (In Russian).

Tynianov, Iu. N. (1977). O khudozhestvennoi evoliutsii [On artistic evolution]. In Iu. N. Tynianov. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema], 270–281. Moscow: Nauka. (In Russian).

Uait, Kh. (2002). *Metaistoriia: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XX veka* [Trans. from White, H. (1973). *Metahistory: The historical imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In Russian).

To cite this article:

Zenkin, S. N. (2018). Anakhronizm i istoricheskii diskurs [Anachronism and historical discourse]. *Shagi / Steps, 4*(3), 26–35. (In Russian).

Received November 9, 2017